

Глава 10. Организация рабочих для социальной революции

Правильная подготовка – такая, какая была предложена на предшествующих страницах, – в большей мере облегчит задачу социальной революции и обеспечит её здоровое развитие и функционирование.

Каковы же будут главные функции революции?

В каждой стране существуют свои специфические условия, психология, традиции, и революционный процесс, разумеется, будет отражать особенности каждой страны и её обитателей. Но в основе своей все страны по своей социальной (хотя скорее, антисоциальной) сути одинаковы. Каковы бы ни были политические формы хозяйственной системы, все они строятся на вмешательстве авторитетов, монополии и эксплуатации работника. Поэтому главная задача социальной революции, в сущности, повсюду одинакова: уничтожение правительства и экономического неравенства, а также социализация средств производства и потребления.

Производство, распределение и коммуникация – это основы существования, на них опирается власть авторитарного принуждения и капитала. Однажды лишённые этой власти, правители и властители станут такими же обычными людьми, как вы или я, простыми гражданами без какого-либо ранга, такими же, как миллионы других людей. Достичь этого – первейшая и самая настоятельная задача социальной революции.

Мы знаем, что революция начинается с уличных волнений и беспорядков; на этом вводном этапе на передний план выходят насилие и мятеж. Но всё это – лишь зрелищное вступление к действительной революции. Многолетние нужда и бесчестие, которые пришлось вынести массам, взрываются в беспорядок и возбуждение; уничтожение и несправедливость, вынужденно терпевшиеся десятилетиями, находят свой выход в актах безумства и разрушения. Это неминуемо, и ответственность за эти переходящие явления лежит исключительно на господствующем классе. Ибо в социальном отношении поговорка «Кто сеет ветер – тот пожнёт бурю» ещё в большей мере верна, чем в индивидуальном. Чем больше нужда и угнетение, которым подвергаются массы, тем яростнее будет разразившаяся социальная буря. Вся история доказывает это, но господа жизни никогда не прислушиваются к предостережениям.

Этот этап революции длится недолго. Обычно за ним следует более осознанное, но всё ещё стихийное разрушение цитаделей авторитета, видимых символов организованного насилия и жестокости: происходят нападения на тюрьмы, полицейские участки и другие правительственные здания, освобождаются заключённые и уничтожаются бумажные дела. Таким образом выражается инстинктивное представление народа о справедливости. Так, например, разрушение Бастилии стало одной из первых примет Французской революции. Так же и при первых взрывах революции в России штурмовали тюрьмы и освобождали заключённых[9]. Здоровая интуиция людей справедливо видит в заключённых тех, кто подвергся социальной дискриминации, жертв обстоятельств, и они ощущают симпатию по отношению к ним. Массы рассматривают суды и протоколы их процессов как инструменты несправедливой классовой юстиции и поэтому с полным основанием уничтожают их в начале революции.

Но этот этап быстро заканчивается. Гнев людей вскоре иссякает. Одновременно начинается конструктивная работа революции.

«Вы на самом деле полагаете, что построение нового должно начинаться так рано?» – спросите вы.

Друг мой, оно должно начинаться немедленно. Чем более просвещены массы, чем яснее рабочие сознают свои цели и чем лучше они подготовлены, тем менее деструктивной окажется революция, тем быстрее и действеннее будет работа по построению нового.

«Вы не слишком оптимистичны?»

Нет, не думаю. Я убеждён в том, что социальная революция не наступает «просто так». Её следует подготавливать и организовывать. Да, именно организовывать – так же, как организуют забастовку. На самом деле это и будет забастовка, забастовка объединённых рабочих всей страны – *всеобщая стачка*.

Давайте остановимся и поразмыслим над этим.

Как вы себе представляете осуществление революции при наличии современных танков, отравляющих веществ и боевых самолётов? Вы полагаете, что безоружные массы и их баррикады смогут оказать сопротивление мощной артиллерии и бомбам, которые будут сбрасываться на них с самолётов? Сумеют ли рабочие разбить вооружённые силы правительства и капитала?

Это смехотворно даже на первый взгляд, не правда ли? И столь же смехотворно предложение, чтобы рабочие выставили свои собственные полки, «ударные части» или «красный фронт», как им советуют компартии. Разве подобные пролетарские группы когда-нибудь будут в состоянии противостоять вооружённым силам правительства и частным отрядам капитала? Разве у них будет хоть малейший шанс?

Уже при одном упоминании подобного предложения легко обнаружить всю его глупость. Это означало бы попросту отправить тысячи рабочих на верную смерть.

Пришло время покончить с этим устаревшим представлением о революции. Сегодня правительства и капитал в военном отношении столь хорошо вооружены, что рабочим было бы очень трудно с ними справиться. Сама подобная попытка была бы преступной, и даже думать о ней – безумие.

Сила рабочих – не на поле боя. Она – в мастерской, на шахте, на фабрике. Там их сила, которую не сможет разбить ни одна армия в мире, ни одно человеческое учреждение.

Иными словами, социальная революция может осуществиться только посредством *всеобщей стачки*. Всеобщая забастовка, правильно понятая и тщательно осуществлённая, и есть социальная революция. Британское правительство поняло это быстрее, чем рабочие, когда в 1926 году была объявлена всеобщая забастовка. «Это означает революцию», – действительно заявило лидерам забастовки правительство. Несмотря на армию и флот, власти оказались беспомощными перед лицом возникшей ситуации. Пулями они могли послать людей на смерть, но не на работу. Рабочие лидеры сами испугались мысли о том, что всеобщая стачка действительно означает революцию.

Британский капитал и правительство победили эту забастовку – но не силой оружия, а из-за отсутствия ума и мужества у рабочих лидеров, и потому, что английские рабочие не были подготовлены к последствиям всеобщей стачки. Откровенно говоря, сама идея была для них чем-то совершенно новым. Никогда прежде они не интересовались этим, не изучали её значения и возможностей. Можно с уверенностью сказать, что во Франции аналогичная ситуация развивалась бы совершенно иначе, поскольку рабочие этой страны уже годами знакомы с всеобщей забастовкой как революционным пролетарским оружием.

Понимание того, что смена общества может быть осуществлена только путём всеобщей забастовки, крайне важно. В прошлом всеобщую стачку пропагандировали в различных странах, но не подчёркивалось в должной мере, что она на самом деле означает революцию, что только она ведёт к революции как единственно возможный путь. Настало время выучить это, только тогда социальная революция перестанет быть неопределимой, неизвестной величиной. Она станет реальностью, чётко определённой задачей и целью, программой, первым шагом в которой будет взятие организованными рабочими промышленности в свои руки.

«Теперь я понимаю, почему вы говорите, что социальная революция означает скорее строительство, чем разрушение», – заметит ваш приятель.

Что ж, я рад. Если вы прошли за мной уже так далеко, то согласитесь и с тем, что взятие промышленности нельзя отдавать воле случаю или проводить по капризу. Оно должно быть хорошо спланировано и осуществиться систематически и рационально. Ни вы, ни я, ни кто-либо иной, будь он рабочим, мистером Фордом или Папой Римским, не могут этого сделать в одиночку. Такого не может совершить ни один отдельный человек, ни какая-либо группа, помимо *самих рабочих*, ведь только рабочие обеспечивают работу промышленности. Но даже сами рабочие сделают это лишь в том случае, если они будут организованны, причём *организованны именно для этой задачи*.

«А я думал, вы анархист, – прервёт меня ваш приятель. – Я слышал, что анархисты не верят в организацию».

Могу себе представить. Однако этот аргумент уже не работает. Любой, кто скажет вам, что анархисты не верят в организацию, говорит чушь. Организация – это всё, и всё – это организация. Вся жизнь, сознаём мы это или нет, есть организация. Любая страна, семья и даже отдельный человек – это организация или организм. Каждая часть любого живого существа организована так, чтобы целое работало гармонично. Иначе различные органы не смогли бы правильно работать, и никакой жизни не было бы вообще.

Но организация организации рознь. Капиталистическое общество организовано настолько плохо, что многие из его членов испытывают страдания: как если бы части вашего тела болели, и вы были бы больны.

Бывают организации, которые причиняют боль, ибо они больны, и организации, которые доставляют радость, ибо означают здоровье и силу. Организация является плохой или больной, если она не обращает внимания на некоторые из своих органов или членов либо подавляет их. В здоровом организме все части равноправны, и ни одна не подвергается дискриминации. Организация же, которая строится на принуждении, заставляет и ограничивает, является плохой и нездоровой. Свободная организация, построенная на добровольности, когда все её члены свободны и равноправны, – это здоровое тело и может работать хорошо. Такая организация есть свободное объединение равных партнёров. Именно в такую организацию и верят анархисты.

Так должна выглядеть организация рабочих, если рабочие представляют собой здоровое объединение, которое должно хорошо функционировать.

Это означает, прежде всего, что ни один из членов организации или профсоюза не должен безнаказанно дискриминироваться, подавляться или игнорироваться. Сравните это с попыткой не обращать внимания на больной зуб: в результате вы станете испытывать боль во всём теле.

Иными словами, рабочий профсоюз должен строиться на принципе равной свободы всех своих членов.

Только если каждый является свободным и независимым членом, который сотрудничает с другими по собственной воле и в общих интересах, выполняемая работа в целом может считаться успешной и приносить хороший результат.

Такое равенство требует, чтобы не делалось никакой разницы между рабочими, кем бы или чем бы они ни были – квалифицированным или неквалифицированным работником, каменщиком, столяром, инженером или подёнщиком – и сколько бы ни зарабатывали, много или мало. Все они имеют одни и те же интересы; все связаны между собой, и только сотрудничая друг с другом могут справиться со своей задачей.

Это означает, что рабочие с фабрики, или из мастерской, или с шахты должны быть объединены в единый союз. Ведь речь идёт не о том, какую работу делает каждый из них в

отдельности, какую профессию имеет или каким ремеслом владеет, но о том, каковы интересы всех их. И их интересы одни и те же, поскольку они направлены против их нанимателя и всей системы эксплуатации.

Подумайте только, до чего неумна нынешняя форма рабочей организации, при которой, например, одна профессия или один цех бастуют, а другие части той же отрасли продолжают работать. Разве не смехотворно, когда, скажем, работники трамваев Нью-Йорка прекращают работу, а работники метро, такси и автобусов её продолжают, как ни в чём не бывало? Ведь цель забастовки – создать такую ситуацию, которая заставит нанимателя уступить требованиям рабочих. Но подобное положение можно создать, только если будет парализована вся отрасль, о которой идёт речь. Частичная же забастовка служит лишь растратой времени и энергии рабочих, не говоря уже о пагубном моральном воздействии неминуемого поражения.

Вспомните хотя бы о забастовках, в которых принимали участие вы сами или ваши знакомые. Выиграл ли ваш профсоюз хотя бы одну стачку, если был не в состоянии заставить нанимателя уступить? Но *когда* он был в состоянии сделать это? Только когда хозяин знал, что работники настроены серьёзно, что среди них нет расхождений во мнениях, нет промедлений и колебаний, что они полны решимости выиграть, какой угодно ценой. Но в особенности тогда, когда предприниматель ощущал себя отданным на милость профсоюза, когда его фабрика или его шахта больше не могли работать из-за решительного настроения рабочих, а он не мог больше найти штрейкбрехеров и понимал, что его интересы, если он будет бороться против своих работников, пострадают куда сильнее, чем если он выполнит их требования.

Итак, ясно, что вы добьётесь от него уступков только если вы полны решимости, если ваш профсоюз силён, вы хорошо организованны и настолько едины, что хозяин не может вести свою фабрику вопреки вашей воле. Но в роли нанимателя обыкновенно выступает какой-нибудь фабрикант или компания, которые владеют предприятиями или цехами в самых разных областях. Предположим, речь идёт об угольном концерне. Если его шахты в Пенсильвании не работают из-за забастовки, то он попытается восполнить убытки, увеличив производство угледобычи в Виргинии или Колорадо. То есть, если шахтёры в этих шахтах продолжают работать, когда вы в Пенсильвании бастуете, компания ничего не теряет. Она может даже обрадоваться забастовке, чтобы повысить цены на уголь, потому что предложение на рынке из-за вашей забастовки уменьшится. Таким образом, компания не только подавит вашу забастовку, но ещё и настроит против вас общественное мнение, потому что люди сдуру решат, что повышение цен на уголь и впрямь результат вашей стачки, тогда как на самом деле причиной служит алчность шахтовладельца. Ваша забастовка останется безуспешной, и через какое-то время вам и рабочим придётся дороже платить за уголь, и не только за уголь, но и за все жизненно необходимые блага, поскольку вместе с ценами на уголь вырастет и общая стоимость жизни.

Так что уясните себе, насколько глупа политика нынешних профсоюзов, при которой другим шахтам позволено работать, пока ваша шахта бастует. Другие рабочие остаются на предприятии и, правда, поддерживают вашу стачку материально, но разве вы не замечаете, что такая поддержка лишь помогает подавить вашу забастовку? Иными словами, что ваш

забастовочный фонд финансируют штрейкбрехеры? Что может быть бессмысленнее и преступнее?

Это относится к любой отрасли и к любой забастовке. Стоит ли после этого удивляться тому, что большинство забастовок заканчиваются безрезультатно? Так обстоит дело и в Америке, и в других странах. Вот передо мной лежит синяя книжица, только что изданная в Англии под заглавием «Трудовая статистика». Приведённые в ней данные доказывают, что забастовки совершенно не обязательно приносят победу рабочим. Цифры за последние 8 лет таковы:

	Результат в пользу работников	Результат в пользу предпринимателей
1920	390	507
1921	152	315
1922	111	222
1923	187	183
1924	163	235
1925	154	189
1926	67	126
1927	61	118

В действительности почти 60% забастовок заканчиваются, таким образом, безуспешно. Подумайте о последствиях забастовок, а именно о потере рабочих дней, за которые не выплачивается зарплата. Общая сумма рабочих дней, потерянных английскими рабочими в 1912 году, составила 40 890 000; если пересчитать эту цифру на годы, то это всё годы 2000 шестидесятилетних людей. В 1919 году было потеряно 34 969 000 рабочих дней, в 1920 году – 26 568 000, в 1921 – 85 872 000, а в 1926 году, как следствие всеобщей забастовки, – 162 233 000 дней. В эти цифры не входят время и заработки, потерянные из-за безработицы. Не требуется больших расчётов, чтобы понять, что забастовки в том виде, как они ведутся сегодня, себя не оправдывают, и что профсоюзы не выходят победителями из трудовых конфликтов.

Это, конечно, не означает, что забастовки бессмысленны. Напротив, они крайне важны: они учат рабочего тому, насколько важно сотрудничество, когда он стоит плечом к плечу с товарищами и вместе с ними должен бороться за общее дело. Забастовки учат его классовой борьбе и развивают его разум для общих усилий, сопротивления против господ, солидарности и ответственности. С этой точки зрения даже безуспешная забастовка бывает не совсем впустую. Благодаря ей рабочие учатся тому, что «несправедливость по отношению к одному касается всех» – практической мудрости, в которой воплощено глубочайшее значение пролетарской борьбы. Это относится не только к повседневной борьбе за материальные улучшения, но в равной степени и ко всему, что касается рабочего и его жизни, в особенности тех вещей, при которых речь идёт о справедливости и свободе.

Люди всегда с большим воодушевлением принимают участие в каком-либо деле, когда видят, что массы действуют во имя социальной справедливости, вне зависимости от того о ком идёт речь в данном конкретном случае. Ведь такие вещи действительно затрагивают нас всех, в самом подлинном и глубоком значении. Чем более просвещены рабочие и чем больше они в самом широком смысле осознают свои интересы, тем масштабнее и универсальнее будет их сочувствие, и они станут отстаивать справедливость и свободу во всём мире. Именно такое понимание проявилось, когда рабочие во всех странах протестовали против судебного убийства Сакко и Ванцетти в Массачусеттсе[10]. Когда совершается подобное возмутительное преступление, массы по всему миру инстинктивно или осознанно чувствуют то же, что любой достойный мужчина и любая достойная женщина: что это касается и их тоже. К сожалению, этот протест, как и многие другие, ограничился одними резолюциями. Если бы организованные рабочие прибегли к такому действию, как всеобщая забастовка, их требования нельзя было бы проигнорировать, и оба благородных человека, лучших друга рабочих, не стали бы жертвами сил реакции.

Точно так же было бы важно превратить подобное действие в демонстрацию гигантской мощи пролетариата – мощи, которая всегда одерживает победу, если действует сплочённо и решительно. Это было неоднократно доказано в прошлом, когда решительная позиция рабочих воспрепятствовала судебному насилию, как было, например, в случае с Хейвудом, Мойером и Петтибоном, представителями Западной федерации горняков, когда угольные бароны в штате Айдахо хотели отправить их на виселицу во время забастовки шахтёров в 1905 году[11]. В 1917 году солидарность рабочих помешала казни Тома Муни в Калифорнии[12]. Симпатии организованных рабочих Америки по отношению к Мексике до сих пор препятствовали военной оккупации этой страны правительством США во имя американских нефтяных интересов. Точно так же успешными были соединённые действия рабочих в Европе: они неоднократно заставляли власть освободить политических заключённых. Английское правительство до такой степени боялось открытой симпатии британских рабочих в отношении Русской революции, что вынуждено было разыграть нейтралитет. Оно не осмелилось открыто помогать контрреволюции в России. Когда докеры отказались грузить на суда продовольствие и оружие для белых армий, английское правительство пошло на спасительный обман. Оно торжественно заверило рабочих, что грузы предназначены для Франции. Когда в 1920-1921 гг. я работал в России, собирая исторический материал, мне удалось раздобыть официальные британские документы, которые доказывают, что эти грузы из Франции по прямому указанию британского правительства были немедленно переправлены контрреволюционным генералам в Северной России, где они сформировали контрреволюционное правительство Чайковского-Миллера. Этот пример – один из многих – служил демонстрацией благотворного страха, испытываемого любыми властями перед возросшим классовым сознанием и солидарностью международного пролетариата.

Чем сильнее станет это сознание трудящихся, тем действенной будет их борьба за освобождение. Для того, чтобы рабочие выступили в полную силу, классовое сознание и солидарность должны приобрести национальный и интернациональный размах. Где бы ни совершались несправедливости, репрессии и угнетение – будь то покорение Филиппин, интервенция в Никарагуа, порабощение рабочих в Конго бельгийскими эксплуататорами, угнетение масс в Египте, Китае, Марокко или Индии – делом рабочих всего мира является

поднять голос против таких актов насилия и продемонстрировать свою солидарность ради общего дела ограбленных и обездоленных во всём мире.

Трудящиеся постоянно приближаются к такому социальному сознанию: забастовки и другие выражения солидарности служат важными проявлениями этих настроений. Хотя большинство стачек сегодня заканчиваются неудачей, но причина этого в том, что пролетариат всё ещё не осознал своих интересов на национальном и интернациональном уровне в достаточной степени, не организован на основе верных принципов и недостаточно осознал необходимость сотрудничества на мировом уровне.

Ваша повседневная борьба за лучшие условия быстро приобрела бы иной характер, если бы вы принадлежали к такой организации, которая могла бы моментально парализовать целую отрасль, когда ваша фабрика или шахта начнут бастовать: все вместе и одновременно. Тогда предприниматель оказался бы в вашей власти – ведь что он мог бы поделаться, если во всей отрасли не повернётся ни одно колёсико? Возможно, он мог бы найти достаточное число штрейкбрехеров на неделю-другую, но их не хватило бы на целую отрасль, да и предприниматель не счёл бы их использование столь надёжным и целесообразным делом. К тому же, остановка работы в какой-то отрасли немедленно оказала бы воздействие на множество других отраслей, ведь все отрасли современной промышленности тесно переплетены друг с другом. Такое положение затронуло бы всю страну, общественность перепугалась бы и потребовала урегулирования. (Сейчас же, когда ваша фабрика бастует в одиночку, это никого не волнует, и вы можете голодать, пока не успокоитесь). Результат урегулирования будет опять-таки зависеть от вас, то есть от силы вашей организации. Если хозяева увидят, что вы сознаёте свою силу и твёрдо решились её использовать, то они достаточно быстро отступят и станут искать компромисс. Иначе они ежедневно будут терять миллионы. Бастующие могли бы даже прибегнуть к саботажу на предприятиях и станках, и предприниматели были бы тем более готовы пойти на урегулирование, тогда как при забастовке на одной фабрике или в одном районе они обычно рады воспользоваться ситуацией, потому что знают, что всё против вас.

Итак, вы видите, насколько это важно, каким образом, *на основе каких принципов строится профсоюз* и насколько важны солидарность и сотрудничество трудящихся в повседневной борьбе за лучшие условия жизни и труда. Ваша сила – в единстве, но этого единства нет и не может быть, пока вы организованы по профессиям, а не по отраслям.

Для вас и ваших коллег нет ничего важнее и настоятельнее, чем незамедлительно изменить форму вашей организации в этом отношении.

Но следует изменить не только форму. Ваш профсоюз должен сознавать свои цели и задачи. Рабочий должен всерьёз задуматься над тем, чего он действительно хочет и какими средствами он рассчитывает достигнуть этой цели. Ему предстоит определить, как следует выглядеть профсоюзу, как он должен работать и чего пытаться достичь.

Так к чему же должен стремиться профсоюз? В чём должны состоять цели настоящего рабочего профсоюза?

Прежде всего, профсоюз обязан служить интересам своих членов. В этом его главная задача. Здесь нет никаких сомнений, и это понимает каждый трудящийся. Если некоторые отказываются от вступления в рабочую организацию, то причиной этому служит то, что им не хватает знаний, чтобы понять всю её ценность – в этом случае их следует просвещать на сей счёт. Но обыкновенно они отказываются вступить в профсоюз, потому что не доверяют ему или однажды уже были брошены им в беде. Большинство из них остаётся в стороне от профсоюза, потому что они наслышались множества болтовни о силе организованного труда, но на своём горьком опыте знают, что тот проигрывает в каждом важном сражении. «А, профсоюз, – говорят они с горечью, – ничего не даёт». Если быть честными, то они не так уж неправы. Они видят, как организованный капитал провозглашает политику «открытого цеха»[13] и громит профсоюзы; они видят, как рабочие вожди продают и предают рабочих; они видят полную беспомощность рядовых членов перед лицом политических махинаций в профсоюзе и за его пределами. Конечно, они не понимают причин этого, но видят факты и отворачиваются от профсоюза.

Другие, напротив, больше не желают иметь дел с профсоюзом, потому что прежде состояли в нём и знают, насколько незначительна та роль, которую играет в организации отдельный её член, простой рабочий. Местные лидеры, окружные и центральные органы, функционеры на национальном и международном уровне и шефы Американской федерации труда «правят бал»; они скажут вам: «Вам больше не нужно ничего делать, только голосовать, а будете возмущаться – пойдёте вон».

К сожалению, эти люди правы. Ведь вы знаете, как управляют профсоюзами. Обычные члены не играют почти никакой роли. Они передали всю власть лидерам, и те стали боссами, подобно тому, как повсюду в жизни общества людей были приведены к подчинению повелениям тех, кто изначально должен был им служить – правительства и его представителей. Если однажды вы сделали такое, то делегированная вами власть каждый раз будет направляться против вас самих и ваших интересов. А потом вы станете сетовать на то, что ваши вожди «злоупотребляют своей властью». Нет, друг мой, они ею не злоупотребляют; они ею попросту употребляют, потому что само управление есть худшее из злоупотреблений.

Всё это необходимо изменить, если вы действительно хотите добиться результатов. В обществе это должно быть изменено путём отнятия политической власти у правителей с полной отменой её. Я уже показал, что политическая власть означает авторитарность, угнетение и тиранию и что нам нужно не политическое правительство, а разумное регулирование всех касающихся нас дел.

Точно так же вам в вашем профсоюзе нужно разумное ведение общественных дел. Мы знаем, какой гигантской мощью обладает труд как создатель всех богатств и фундамент мира. Правильно организованные и единые, рабочие могут взять ситуацию под свой контроль и стать её хозяевами. Но сила рабочего – не в актовом зале профсоюза; она – в мастерской и на фабрике, в цеху и на шахте. Именно там он должен организоваться; там – на рабочем месте. Там он понимает, чего хочет, каковы его потребности, и в этом месте он должен сосредоточить свои усилия и свою волю. В каждой мастерской, на каждой фабрике должен существовать комитет, который будет заниматься чаяниями и потребностями

рабочих – не лидеры, а обычные люди от станка и доменной печи, заботящиеся о требованиях и проблемах своих товарищей. Такой комитет всегда находится на месте и под постоянным руководством и надзором рабочих, он не осуществляет власть; он лишь выполняет данные ему указания. Его члены могут быть в любой момент отозваны, и на их место выбраны другие, в соответствии с требованиями момента и способностями, необходимыми для выполнения предстоящей работы. Именно сами рабочие принимают решение по спорным вопросам и осуществляют свои решения через фабричный комитет.

Именно такой вид, такая форма организации нужны трудящимся. Только таким образом они смогут выразить свою настоящую волю, и только так они будут иметь адекватного глашатая, который будет служить их интересам.

Такие фабрично-заводские комитеты, соединяясь с аналогичными органами на других предприятиях и шахтах, на местном, региональном и национальном уровне, стали бы новым типом рабочей организации, могучим голосом труда и его действенным представителем. Они имели бы за собой весь вес и всю энергию соединённых рабочих и обладали бы гигантской мощью по своему охвату и потенциалу.

В повседневной борьбе пролетариата такая организация могла бы одержать победы, о которых консервативный профсоюз, как он устроен сегодня, не смел бы даже мечтать. Она пользовалась бы уважением и доверием масс, привлекала бы неорганизованных, объединяла бы силы труда на основе равноправия всех рабочих, их общих интересов и целей. Она противостояла бы хозяевам, опираясь на всю мощь рабочего класса, с новым уровнем сознания и силы. Только тогда трудящиеся обрели бы своё достоинство, и его выражение обрело бы реальное значение.

Такой профсоюз стал бы вскоре чем-то большим, нежели просто защитником и обороной рабочих. Он превратился бы в живое осуществление подлинного значения единства и вытекающей отсюда мощи, рабочей солидарности. Фабрика и завод служили бы тренировочным полем для развития у рабочего понимания его настоящей роли в жизни, становления его веры в самого себя и независимости, для обучения его взаимопомощи и сотрудничеству и осознания им собственной ответственности. Он научится принимать решения и действовать в соответствии с собственным суждением и не станет больше передоверять своим лидерам или политикам управление своими делами и заботу о собственном благополучии. Именно он сам вместе со своими коллегами у станка будет определять, чего они хотят и какие методы наилучшим образом служат их целям, а комитет на месте станет лишь выполнять их указания. Завод и фабрика превратились бы в школу и колледж рабочих. Именно там рабочий осознает своё место в обществе, свою роль в производстве и смысл своей жизни. Он обретёт зрелость, как трудящийся человек, и великан-труд выпрямится в полный рост. Он обретёт знания и вместе с ними силу.

Тогда он больше уже не станет довольствоваться участью наёмного раба, слуги, зависящего от доброй воли своего хозяина, что живёт его трудом. Он вырастет до понимания того, что нынешняя экономическая и социальная система ложна и преступна, и решится сменить её. Фабричный комитет и профсоюз станут полем подготовки к новой экономической системе, новому обществу.

Вы видите, таким образом, насколько важно то, чтобы вы, я, каждый мужчина и каждая женщина, кому по сердцу интересы трудящихся, работали над достижениями этих целей.

И в этом месте мне хотелось бы подчеркнуть, насколько важно то, чтобы более прогрессивный пролетарий, радикал и революционер самым серьёзным образом задумались об этих вещах, потому что для большинства из них и даже для некоторых анархистов всё это – всего лишь благочестивое пожелание и отдалённая надежда. Они не могут осознать огромного значения усилий, идущих в этом направлении. Но это не только мечта. Множество прогрессивных трудящихся приходят к такому пониманию. Индустриальные рабочие мира и революционные анархо-синдикалисты в каждой стране посвящают себя этой цели. Это наиболее настоятельная потребность сегодняшнего дня. Нельзя переставать подчёркивать: *только правильная организация рабочих* может совершить то, к чему мы стремимся. В ней состоит спасение труда и будущего. Только организация снизу, начиная с завода и фабрики, основанная на общих интересах рабочих, независимо от их специальности, расы или гражданства, может общими усилиями и сплочённой волей разрешить рабочий вопрос и послужить подлинному освобождению человека.

«Вы говорили, что рабочие возьмут в свои руки предприятия, – напомнит мне ваш друг. – Но как они это сделают?»

Да, я говорил об этом, когда вы заговорили об организации. Но этот вопрос стоило обсудить, потому что он наиважнейший из тех проблем, что нас занимают.

Итак, вернёмся к взятию предприятий. Это означает не только то, что рабочие берут их в свои руки, но и то, что рабочие ими руководят. Что касается их взятия, вам стоит вспомнить о том, что на самом деле рабочие и сейчас находятся на предприятиях. Взятие означает, что рабочие *остаются* там, где они есть, но уже не как наёмные работники, а как общие хозяева.

Осознайте этот момент, друг мой! Экспроприация класса капиталистов в ходе социальной революции – взятие в свои руки предприятий – требует применения тактики, прямо противоположной той, какую вы применяете сегодня при забастовках. В последнем случае вы прекращаете работу и оставляете босса безраздельным владельцем завода, фабрики и шахты. Это, конечно же, полный идиотизм, потому что вы тем самым отдаёте хозяину все преимущества: он может поставить на ваше место штрейкбрехеров, и вам крышка.

Наоборот, при экспроприации вы *остаётесь* на работе, а босса выбрасываете прочь. Он может остаться лишь при условии, что встанет на одну ступень со всеми остальными – как рабочий среди рабочих.

Рабочие организации одной и той же местности берут в свои руки общественные службы, средства сообщения, производства и распределения на соответствующей территории. Это означает, что работники телеграфа, телефона, электроснабжения, железнодорожники и т. д. завладеют (через посредство своих революционных заводских комитетов) мастерскими, фабриками или учреждениями. Капиталистические бригады, надсмотрщики и менеджеры удаляются с предприятий, если она оказывают сопротивление переменам и отказываются от сотрудничества. Если же они готовы к сотрудничеству, то им объясняют, что они отныне

не являются ни хозяевами, ни владельцами и что фабрика – это общественная собственность, руководимая профсоюзом работников отрасли, и все являются равными партнёрами в общем ведении дел.

Следует ожидать, что высшие служащие крупных промышленных и торговых концернов откажутся от сотрудничества. Тем самым они устранят себя сами. Их место должны занять рабочие, которые предварительно подготовлены к этой задаче. Вот почему я подчёркивал особую важность производственной подготовки. Она совершенно необходима в ситуации, которая будет стремительно меняться, и от неё, более чем от каких-либо иных фактов, будет зависеть успех социальной революции. Производственная подготовка – важнейший момент, без которого революция обречена на провал.

Когда придёт социальная революция, инженеры и другие технические специалисты будут скорее склонны к сотрудничеству с рабочими, особенно если до этого будут налажены тесные отношения и лучшее взаимопонимание между работниками физического и умственного труда.

Если же они откажутся, а рабочие окажутся неподготовленными в производственном и техническом отношении, то производство удастся поддерживать только принуждая строптивцев к сотрудничеству – эксперимент, который попытались осуществить в России и который полностью провалился.

Грубейшей ошибкой большевиков в этом отношении было враждебное обращение со всем классом интеллигенции по причине оппозиции со стороны некоторых его членов. Характерный для фанатичной догмы дух нетерпимости побудил их к преследованию целой группы общества за ошибки отдельных индивидов. Это нашло своё выражение в политике массового наказания специалистов, техников, кооперативных организаций и вообще всех людей культуры. Большинство из них, первоначально дружественно настроенных в отношении революции или даже воспринимавших её с воодушевлением, оттолкнула большевистская тактика, что сделало сотрудничество невозможным. Диктаторская позиция привела к тому, что коммунисты стали всё больше прибегать к угнетению и тирании, пока, наконец, они не ввели в промышленной жизни страны чисто военные методы. Это была эра принудительного труда, милитаризация фабрик и заводов, которая неминуемо должна была завершиться катастрофой, поскольку принудительный труд плох и неэффективен уже по самой сути принуждения. К тому же, люди, принуждаемые к труду, реагировали на эту ситуацию сознательным саботажем, систематическим замедлением работы и разрушением инструментов, которое умный противник может совершать так, что это не будет обнаружено своевременно, и это наносит больший ущерб машинам и производству, чем прямой отказ от работы. Несмотря на драконовские меры против такого рода саботажа и даже несмотря на смертную казнь, правительство оказалось беспомощным в борьбе с этой напастью. Надзор за каждым техником, занимающим ответственную позицию, со стороны приставленного к нему большевика или политкомиссара ничего в этом плане не меняет. Эта мера лишь породила целый легион паразитических функционеров, которые, не имея представления о том, как работает производство, лишь вмешивались в действия людей, и без того дружественно настроенных по отношению к революции и с готовностью помогавших ей; к тому же, из-за своего незнания, они были всё равно не в состоянии

предотвратить умышленный саботаж. В конечном счёте, система принудительного труда вылилась в экономическую контрреволюцию, и никакие усилия диктаторов не могли изменить создавшееся положение. Такая ситуация вынудила большевиков перейти от принудительного труда к политике привлечения специалистов и техников на свою сторону путём их возвращения на руководящие посты в промышленности и вознаграждения за счёт более высокого оклада и побочных доходов.

Вот почему было бы глупо и преступно повторять методы, столь очевидно провалившиеся в русской революции и во все времена обречённые, по самому своему характеру, на провал в производственном и этическом отношении.

Единственное решение этой проблемы состоит в уже предложенной подготовке и тренировке рабочих в искусстве организации и управления производством, а также в укреплении контакта между работником физического труда и техником. На каждой фабрике, каждой шахте, каждом заводе должен существовать рабочий совет, отдельный и независимый от заводского комитета, с задачей знакомить рабочих с различными стадиями производства в отрасли, включая проблемы источников сырья, последовательности производственных операций, побочных продуктов и сбыта. Этот производственный совет должен быть постоянным, но члены его должны меняться по очереди так, чтобы в него хоть раз входили все работники данной фабрики или данного завода. Для примера предположим, что производственный совет определённого предприятия состоит из 5 или 25 членов, в зависимости от сложности производства и размеров рассматриваемой фабрики. После того, как члены совета в достаточной мере ознакомились с проблемами своей отрасли, они публикуют то, чему они научились, для информации своих коллег по работе, и избираются новые члены совета, чтобы продолжить изучение. Таким образом весь коллектив фабрики или завода может по очереди приобрести необходимые знания об организации и управлении в своей отрасли и быть на уровне её развития. Такие советы станут служить школами производства, в которых рабочие будут знакомиться с техникой своей отрасли индустрии на всех стадиях.

Одновременно более крупная организация, профсоюз, должна пытаться принудить капитал к большему участию трудящихся в фактическом управлении. Но это в самом благоприятном случае пойдёт на пользу лишь меньшинству рабочих[14]. Предложенный выше план, напротив, открывает возможность производственного обучения практически каждому рабочему завода, мастерской и фабрики.

Разумеется, некоторые виды деятельности – например, гражданское, электрическое, механическое инженерное дело – не смогут быть изучены на практике в производственных советах. Но то, что они изучат общий процесс производства, будет иметь бесценное значение в качестве подготовки. В остальном же первостепенной необходимостью являются как можно более тесные узы дружбы и сотрудничества между рабочими и техниками.

Поэтому взятие в свои руки производства служит первой крупной целью социальной революции. Его предстоит совершить пролетариату, его организованной частью, подготовленной к этой задаче. Значительное число рабочих уже сейчас начинает сознавать важность такого взятия и понимать стоящую перед ними задачу. Но одного лишь понимания того, что непременно должно быть сделано, недостаточно. Следующий шаг состоит в

изучении того, как это следует сделать. Задача организованного рабочего класса состоит в том, чтобы незамедлительно приступить к этой подготовительной работе.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 апреля 2026 14:22:43

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 апреля 2026 14:26:14